

7. General Comment № 5 [Electronic resource] : 2003, CRC/GC/2003/5 // Committee on the Rights of the Child. – Mode of access: <https://www.refworld.org/docid/4538834f11.html>. – Date of access: 20.01.2020.

8. General Comment № 36 [Electronic resource] : 2018, CCPR/C/GC/36 // Human Rights Committee. – Mode of access: https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CCPR/Shared%20Documents/1_Global/CCPR_C_GC_36_8785_E.pdf. – Date of access: 20.01.2020.

9. CDP carbon majors report 2017 [Electronic resource] / Climate Accountability Institute. – Mode of access: <http://climateaccountability.org/pdf/CarbonMajorsRpt2017%20Jul17.pdf>. – Date of access: 20.01.2020.

ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

П.Л. Маршин

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, paolo.marshyn@gmail.com*

Автором рассматриваются основания возникновения экстерриториальных обязательств государств по правам человека в соответствии с практикой Международного Суда ООН, Комитета по правам человека, Европейского суда и комиссии по правам человека. В рамках статьи выявлено, что такие обязательства возникают у государств при осуществлении юрисдикции за пределами границ посредством эффективного контроля над территорией или осуществления власти и контроля над лицами. С учетом практики международных судебных и квази-судебных учреждений автором определяются характеристики, присущие основаниям возникновения экстерриториальных обязательств.

Ключевые слова: экстерриториальные обязательства по правам человека; экстерриториальная юрисдикция; эффективный контроль; осуществление власти над лицами.

GROUNDS FOR EXTRATERRITORIAL HUMAN RIGHTS OBLIGATIONS OF STATES

P.L. Marshyn

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, paolo.marshyn@gmail.com*

The author considers the grounds for extraterritorial human rights obligations of states in accordance with the practice of the International Court of Justice, Human Rights Committee and European Court and Commission of Human Rights. It is established that such obligations arise when states exercise jurisdiction beyond its borders through effective control over territory or exercising authority and control over individuals. Based

on the practice of international judicial and quasi-judicial institutions, the author determines the features of the grounds for extraterritorial obligations.

Keywords: extraterritorial human rights obligations; extraterritorial jurisdiction; effective control; exercise of authority over individuals.

В современных тенденциях развития международных отношений, характеризующихся усиливающимися процессами глобализации и стремлением государств обеспечить свое присутствие в различных точках политической карты мира, права человека приобретают все более уязвимый статус и подвержены трансграничному влиянию. Отсутствие четкого указания на экстерриториальные обязательства в договорах по правам человека оставляет открытым вопрос о том, ограничиваются ли соответствующие обязательства в рамках договоров лишь территорией государства или могут существовать за пределами границ.

Проблема экстерриториальных обязательств в области прав человека получила особое внимание в работах зарубежных ученых, среди которых Н. Венцель [1], Д. Мюррей [2], Л. Райбл [3]. Вопросы, связанные с экстерриториальными обязательствами, были рассмотрены и русскоязычными исследователями Я. С. Кожеуровым [4] и А. А. Самаринным [5], однако не стали объектом широких исследований в русскоязычной доктрине международного права, что обуславливает необходимость изучения и развития данной темы.

Договоры по правам человека, являясь источниками соответствующих обязательств для государств-участников, содержат положения общего характера, регулирующие пространственное действие обязательств. Например, ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 г. (далее – МПГПП) предусматривает, что государство «обязуется уважать и обеспечивать всем лицам, находящимся на его территории и под его юрисдикцией, права, признанные в ... Пакте». Европейская конвенция о правах человека от 1950 г. (далее – ЕКПЧ) в ст. 1 также определяет объем обязательств, требуя от государств «обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции». Из положений договоров следует, что осуществление юрисдикции является необходимым условием возникновения обязательств в области прав человека. Если существование юрисдикции в пределах территории государства не вызывает сомнений, то целесообразно рассмотреть, как вопросы, связанные с осуществлением юрисдикции за пределами границ, регламентируются международным правом прав человека.

Экстерриториальная юрисдикция в контексте обязательств по правам человека была рассмотрена международными судебными учрежде-

ниями и квази-судебными органами по защите прав человека в своей практике. Международный суд ООН (далее – МС ООН, Суд) в консультативном заключении «*Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории*» от 2004 г. установил, что «хотя юрисдикция государств является преимущественно территориальной, она может иногда осуществляться за пределами национальной территории. С учетом объекта и цели [МПГПП] представляется естественным, что даже в этом случае государства-участники Пакта должны быть обязаны соблюдать его положения» (п. 109). Суд пояснил, что «территории, оккупированные Израилем на протяжении более 37 лет, подпадают под его территориальную юрисдикцию в качестве оккупирующей державы», что требует от Израиля выполнять обязательства, вытекающие из соответствующих договоров по правам человека за пределами своих границ (п. 112). Аналогичный подход отражен в решении «*Вооруженная деятельность на территории Конго*» от 2005 г., где МС ООН отмечает, что «международные договоры по правам человека применимы "в отношении действий, совершенных государством при осуществлении своей юрисдикции за пределами своей собственной территории", в частности на оккупированных территориях» (п. 216). Так, Уганда была связана экстерриториальными обязательствами по правам человека, поскольку осуществляла юрисдикцию за пределами границ в результате оккупации своими войсками территории Конго (пп. 174-176).

Комитет по правам человека (далее – КПЧ) и Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) также признают экстерриториальное применение МПГПП и ЕКПЧ соответственно в случае осуществления юрисдикции за пределами территории государства. Как было отмечено КПЧ в *Замечании общего порядка № 31* от 2004 г., государство «должно уважать и обеспечивать права ... любого лица, находящегося под властью [power] или эффективным контролем [effective control] ... государства-участника, даже если это лицо не находится на его территории» (курсив наш – П. М) (п. 10). ЕСПЧ в *Аль-Скейни и др. пр. Великобритания (Al-Skeini and others v. UK)* от 2011 г., обобщая свою практику в области экстерриториальной юрисдикции, отметил, что существует «ряд исключительных обстоятельств, влекущих осуществление юрисдикции [государством] ... за пределами собственных ... границ» (п. 132), в частности, когда представители государства устанавливают *власть и контроль (authority and control) над лицами* или *эффективный контроль (effective control) над территорией* (пп. 133-140). КПЧ и ЕСПЧ схожим образом подходят к определению оснований для возникновения экстерриториальной юрисдикции. Такие основания рассматриваются через призму про-

странственной модели («эффективный контроль» над территорией) и личностной модели («власть»/«власть и контроль» над лицами) [3].

«Эффективный контроль» может быть установлен, если государство в результате военных действий, будь то законных или незаконных, осуществляет фактический контроль над территорией другого государства (*Луизиду пр. Турции (по существу) (Loizidou v. Turkey (merits))* от 1996 г., ЕСПЧ, пп. 52, 54). Например, законные военные действия могут включать международные операции по поддержанию или принуждению к миру (*Замечание общего порядка № 31*, п. 10), а незаконные – военное вторжение и оккупацию территории другого государства. КПЧ в *Заключительных замечаниях о выполнении Израилем обязательств по МПГПП* от 1998 г., на которые ссылался МС ООН при вынесении вышеуказанного консультативного заключения, указал, что «эффективный контроль» над территорией сектора Газа, Западного берега и др. был установлен со стороны Израиля в результате их оккупации израильскими войсками (п. 10). В свою очередь, ЕСПЧ в *Луизиду пр. Турции (по существу)* признал существование экстерриториальных обязательств Турции в силу осуществления контроля, установленного среди прочего в результате военной оккупации северного Кипра турецкими войсками (п. 56).

Эффективный контроль может осуществляться *напрямую*, через вооруженные силы государства, или *косвенно*, через подчиненную местную администрацию на территории другого государства (*Луизиду пр. Турции (по существу)*, п. 52). Концепция косвенного контроля была разработана ЕСПЧ в делах о несоблюдении прав человека местной администрацией непризнанных государств – Турецкой Республики Северного Кипра, Приднестровской Молдавской Республики и Нагорно-Карабахской Республики соответственно. ЕСПЧ признает, что государства-ответчики по таким делам – Турция, Россия и Армения – осуществляли юрисдикцию за пределами своей территории и несли ответственность за действия непризнанных властей в связи с предоставлением военной, экономической, финансовой и политической поддержки, которая обеспечивает существование режима непризнанных местных администраций (*Кипр пр. Турции (Cyprus v. Turkey)* от 2001 г., п. 77; *Илашку и др. пр. Молдовы и России (Ilaşcu and others v. Moldova and Russia)* от 2004, пп. 387-392; *Мозер пр. Молдовы и России (Mozer v. Moldova and Russia)* от 2016 г., п. 110; *Чирагов и др. пр. Армении (Chiragov and thers v. Armenia)* от 2015 г., п. 186). Государствам не требуется осуществлять детальный контроль над действиями и политикой местных администраций – для возникновения экстерриториальной юрисдикции достаточно общего контроля за счет военного присутствия и оказания другой «жиз-

ненно» важной поддержки непризнанным властям (*Лоуизиду пр. Турции (по существу)*, п. 56; *Илашку и др. пр. Молдовы и России*, пп. 315-316).

На основе вышеуказанного можно отметить, что для «эффективного контроля» характерно то, что он 1) устанавливается над территорией другого государства, 2) в результате военных действий, осуществляемых 3) как законными, так и незаконными способами, а также 4) реализуется напрямую (через военные силы) и/или опосредованно (через местные органы власти, не принадлежащие государству, но при оказываемой им военной, политической, экономической и др. поддержки).

«Власть»/«власть и контроль» как основание экстерриториальной юрисдикции устанавливается в отношении отдельных лиц в результате действий представителей государства за пределами национальной территории. Например, экстерриториальная юрисдикция будет распространяться на деятельность *дипломатических и консульских представителей за границей*, осуществляющих в отношении других лиц свои полномочия (*Банкович и др. пр. Бельгии и 16 др. государств (Banković and others v. Belgium and other 16 States)* от 2001 г., п. 73). Так, в *М пр. Дании (M v. Denmark)* от 1992 г. Европейская комиссия по правам человека установила, что юрисдикция Дании для целей ЕКПЧ распространялась на действия посла, который передал местной полиции 18 лиц, проникших в посольство Дании в ГДР (стр. 4-5).

Юрисдикция будет также установлена за пределами национальной территории, если государственные органы осуществляют *властные функции или полномочия на территории другого государства*. В *Аль-Скейни пр. Великобритании* ЕСПЧ отметил, что лица, погибшие в ходе операций Великобритании по обеспечению безопасности в юго-восточной части Ирака, подпадают под юрисдикцию Соединенного Королевства, поскольку такие операции проводились в рамках предоставленных Великобритании государственных полномочий по поддержанию безопасности в юго-восточном Ираке (п. 149).

«Власть»/«власть и контроль» могут устанавливаться и в случаях, когда государственные агенты, действующие за пределами страны, *задерживают или применяют силу в отношении отдельных лиц*. В соображениях *Лопес Бургос пр. Уругвая (Lopez Burgos v. Uruguay)* от 1981 г. (пп. 12.1-12.2) и *Лилиан Челиберти де Касариего пр. Уругвая (Lilian Celiberti de Casariego v. Uruguay)* от 1981 г. (пп. 10.1-10.2) КПЧ отметил, что Уругвай осуществлял юрисдикцию на иностранной территории, когда его службы безопасности задерживали и содержали под стражей граждан Уругвая в Аргентине и Бразилии соответственно. КПЧ указал, что п. 1 ст. 2 МПГП не подразумевает, что государство «не может быть привлечено к ответственности за нарушения прав, ... которые его представители со-

вершают на территории другого государства, будь то с молчаливого согласия ... этого государства или вопреки ему» (*Лопес Бургос против Уругвая*, п.12.3; *Лириан Челиберти де Касариего пр. Уругвая*, п. 10.3).

Кроме того, экстерриториальная юрисдикция может устанавливаться, когда государство осуществляет контроль над тюремными объектами за пределами границ, а также над воздушными или морскими судами и лицами, находящимися на них (*Аль-Скейни пр. Великобритании*, п. 136). Например, контроль над морским судном может носить *de facto* характер, если судно, плавающее под флагом третьего государства, находится под фактическим контролем представителей другого государства в результате его задержания (*Медведев и др. пр. Франции (Medvedev and others v. France)* от 2010 г., ЕСПЧ, пп. 66-67). *De facto* контроль может быть сопряжен с *de jure* контролем, когда судно не только фактически контролируется представителями государства (*de facto*), но и плавает под флагом этого государства (*de jure*) (*Хирси Джамаа и др. пр. Италии (Hirsi Jamaa and others v. Italy)* от 2014 г., ЕСПЧ, пп. 77, 81).

Для «власти»/«власти и контроля» характерно то, что они 1) устанавливаются над лицами 2) со стороны представителей государства, применяющих силу или осуществляющих свои властные полномочия в отношении таких лиц и 3) действующих за пределами границ государства (открытое море, воздушное пространство) или на территории другого государства 4) при наличии или без согласия последнего. Если власть и контроль устанавливаются на *ad hoc* основе, то эффективный контроль является продолжительным по времени и широким по пространственному и субъектному охвату. Более того, при эффективном контроле экстерриториальные обязательства существуют в отношении широкого круга лиц (т.к. территория под контролем *фактически* рассматривается как территория контролирующего государства), то при власти и контроле такие обязательства устанавливаются в отношении отдельных лиц, затрагиваемых действиями представителей государства.

Вышеуказанная практика судебных учреждений и квази-судебных органов подтверждает, что обязательства по правам человека могут возникать за пределами границ государства при осуществлении им юрисдикции, которая для целей права прав человека не ограничивается исключительно национальной территорией. Основаниями для экстерриториальной юрисдикции и соответствующих обязательств является установление «эффективного контроля» над территорией и осуществление «власти»/«власти и контроля» над лицами за пределами границ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Wenzel, N. Human Rights, Treaties, Extraterritorial Application and Effects [Electronic Resource] / N. Wenzel. – // Oxford Public International Law. – Mode of

access: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e819>. – Date of access: 23.01.2020.

2. Murray, D. Practitioners' Guide to Human Rights Law in Armed Conflict [Electronic Resource] / D. Murray. – // Oxford Public International Law. – Mode of access: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law/9780198791393.001.0001/law-9780198791393>. – Date of access: 23.01.2020.

3. Riabie, L., Human Rights Watch v Secretary of State for the Foreign and Commonwealth Office : Victim status, extraterritoriality and the search for principled reasoning [Electronic Resource] / L. Riabie. – // University College London. – Mode of access: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1532051/7/Raible_Raible%20-%202017%20-%20MLR%20-%20Human%20Rights%20Watch_NEW.pdf. – Date of access: 23.01.2020.

4. Кожеуров, Я. С. «Эффективный всеобщий контроль» в практике Европейского Суда по правам человека: «Империализм прав человека» или большая путаница? / Я. С. Кожеуров // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – №4. – С. 184–193.

5. Самарин, А. А. Экстерриториальное действие права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. А. Самарин. – Нижний Новгород, 1999. – 229 с.

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ В СВЯЗИ С ПРИМЕНЕНИЕМ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ ВООРУЖЕНИЯ

С.А. Навицкий

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, sergnavan@gmail.com*

Дано авторское определение автономных систем вооружения на основе ряда черт, являющихся неотъемлемыми для данного вида вооружения. Определен круг лиц, в отношении которых может быть поставлен вопрос об ответственности за правонарушения, опосредованные применением автономных систем вооружения – комбатанты (операторы), командиры, а также программисты и разработчики. Были рассмотрены особенности индивидуальной уголовной ответственности каждой из представленных категорий лиц. Констатация намерения как ключевой элемент данного вида ответственности была определена в качестве основной проблемы в силу специфики функционирования подобных систем вооружения. Установлено, что возникающий пробел может быть устранен при помощи института международно-правовой ответственности государств.

Ключевые слова: автономные системы вооружения; индивидуальная уголовная ответственность; комбатант; командир; международно-правовая ответственность.